

ОНТОЛОГИЯ ИСТИННОГО УЧИТЕЛЬСТВА: МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ И СЦИЕНТИСТСКАЯ ПАРАДИГМЫ

А: Критерий зрелости подлинно человеческих отношений — гармоническое соединение Истины, Добра и Красоты. «Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, — истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир» (В. С. Соловьев). Таков смысл их сопричастности, согласно которому разум человека должен стремиться к истине, воля — к добру, а чувства — к красоте, то есть онтологическое добро через знание истины осуществляется в красоте. Наивная мировоззренческая принадлежность лишь к этому миру есть признак мертвенности как человека, так и знания. Мертвое знание «надмевает», так как, не имея в себе жизни и основ, тщеславится призрачным познанием высот и глубин, своей «метафизической надутостью». Многие серьезные ученые стали невольными «жертвами» такого «образа ученого» в современной гуманитарной культуре, приняли элементы идолопоклонничества и обоготворения своих сомнительных идей и теорий, адаптировались к «культуре интеллектуального обезьянничества» (Н. Я. Данилевский) и речевого фикционализма (фикция). Утрата духовного стержня конкретного человека, народа, государства, обретаемого через глубинную связь поколений и реализацию культурно-исторической традиции, естественным образом приводит к разложению социокультурного пространства. Дух чистый охраняет свое знание философией незнания, ибо «данные свыше огни могут быть потушены» (Иоанн Шаховский).

Противоречит ли знание веры — знанию прагматическому? Противоречат ли онтологические и аксиологические законы жизни законам биологическим, физическим? Знания философа, врача, учителя, математика, физика, плотника, воспитателя, руководителя не являются преградой для того, чтобы человек состоялся как верующий и любящий, и, что особенно ценно, сформировался как субъект культуры. Конфликт «веры и науки (знания)» есть конфликт несуществующий, порожденный отсутствием законов диалектики в культуре мышления отдельного человека или социума, потерявшего свои корневые и стержневые основы подлинного бытия в культуре, подвергшегося серьезной социальной и нравственной деградации. Знание низшего онтологического и метафизического круга не мешает

знанию круга высшего. С одной оговоркой, наука «духа и вечности» в смирении находит свою правду, а не в горделивом и иллюзорно-содержательном для обывателей пустословии, «прельщении и обольщении» простецов, откровенной демагогии и прожектерстве, беспрецедентной манипуляции общественным сознанием.

Заметим, что глубокий, состоявшийся человек не приходит к восхвалению невежества или определению достижений светской научной культуры как «лжеименного» знания, а все фундаментальнее осознает благодатную культуру знания для нравственного становления личности, потенциал законов диалектики для развития мышления каждого конкретного человека и социума. *Культура как плодотворное существование человека* — главная максима философских трудов И. Я. Лойфмана. Суть этой универсалии культуры заключается в том, что нравственный характер взрослого человека — это то, что человек сотворил и творит сам с собой. «Познай, кто ты есть, и стань им». Душа — земля. Человек — земледelec своей души. Культура — плодоносящий сад. Если в земле душевной сеется правда и любовь, то плод бывает сладкий, радостный для самого человека и его окружающих. Душу можно уподобить глине, человека — скульптору. Скульптор лепит из глины образ человеческий, так сам человек лепит из своих душевных качеств и способностей или образ человеческий, или звериный. Философское знание как человековедение и «компас» в самостановлении человека как субъекта культуры — концепция понимания философии в мировоззренческой системе ученого.

По моему глубокому убеждению, стоять в стороне от жизни мира, как и превозносить себя над фарисеями науки — это ложный путь философии незнания истинной философской и культурной мысли, путь еще более фарисейский и низкий, чем путь «старой хитрой и похотливой обезьяны», «развращенного манипулятора» или «сговорчивого говоруна-философа», готового своим красноречием навязать любую сомнительную истину. На всех путях жизни человеку свойственно «обогащаться» и «знать», а чтобы этот процесс был в онтологическом и аксиологическом планах реален, христианское мироощущение предполагает, что всякое знание должно переживаться не как горделивое приобретение, а как неведение глубинного откровения бытия человеку. Метафизика аксиологии знания такова: чем больше человек знает, чем богаче его интеллектуальный и духовный потенциал, чем выше его нравственное качество, тем меньше он чувствует, что он знает, тем сдержаннее и скромнее его притязания на истину, тем достойнее его отношение к другому человеку как субъекту культуры.

Историко-культурный срез и историография развития человечества показывают, что любое подлинное достижение в науке сопряжено с сознательным нищанием. «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Это онтологический и аксиологический опыт бесконечного смирения. Познать самого себя есть некое совершенство знания. Онтологическая природа знания выше мышления и интеллектуальной потенции человека. Метафизика личного сознания истинных ученых всегда определяет незнание как предмет первого и последнего постижения человеком.

Сегодня, в начале III тысячелетия, когда идет процесс кристаллизации качественно новых форм российской государственности и культуры, в мире науки и философии все отчетливее происходит поляризация учености и псевдоучености, реальной деятельной мысли и ее фикции, умелой и пустой имитации, что, конечно, должно принести свои позитивные и конструктивные плоды в плане формирования образа науки как в первую очередь социокультурного феномена, реально меняющего онтологию и метафизику общественного и социального бытия и конкретного человека.

Б: В онтологическом плане, — если трудно учить, то еще труднее учить учительству, так как учительство, по моему мнению, есть или зло или величайшее добро. В плане аксиологического взаимовлияния и взаимодействия (синергии) учащий подобен творящему, творящему человека, задающему ему идеалы самоопределения качества его жизненной траектории. В этом проявляется глубинная ответственность истинного учительства, требующая непрестанно учить в первую очередь себя. Непрестанно учить всех и научиться через всех и от всего. Учение истине других есть в первую очередь возрастание в учении себя. Правильно «учащий себя» изливается правильностью сердца своего и учения своего на других, так как других видит частицами себя и им изливает свое познание любви, им излучает свое познание правды и словами, и делами, и молчанием, и взглядом. В любящем все учит; ничто не пребывает в покое, все изливается, излучается, приобщается ко всему и все приобщает своей любви.

Слово дорогого человека для ученика всегда слово истины, которое, порой минуя разум, восходит к сердцу и изменяет его; не убеждает, не навязывает, а откровеньем какой-то невидимой метафизической связи дает те образцы принципов жизни, которые испытало Сердце Учителя, за понимание которых заплачено неимоверными страданиями и нечеловеческим терпением. Только наличие этой межличностной сакральной недоступной никакому третьему лицу связи позволяет в полной мере воплотить миссию учи-

тельства как сеяньи истины и творения человека. Учительство есть горение и излучение правды, оно зреет с сокровенным сердцем человека.

Великий дар судьбы для человека, когда на его жизненном пути встречаются люди, по своей природе способные к великой онтологической миссии учительства. «От избытка сердца глаголят уста» Учителя. Духовное содержание сердца не может скрыться, оно просвечивает сквозь человека, льется из глаз, сходит с языка, со всех движений и черт. Доброта не может жить в одном сердце со злом, как вода с огнем. Либо огонь уничтожает воду, либо вода заливает огонь. Сердце Учителя — огонь Любви к своему ученику и бесконечная Вера в полноту актуализации потенциального в своем ученике.

В силу законов диалектики есть и иная парадигма «учительства», иные, технократические «плоды» сада культуры, «ядовитая влага сердца и ядовитое испарение» (И. Брянчанинов), лживое учительство, псевдоучительство, сеяние плевел — горькой травы зла и неведения, вражды, лукавства, голого прагматизма, сокрытия пути к Истине и откровенного поиска выгоды, а порой и «пожирания ученика» под видом благодеяний, уничтожения в нем любых зачатков самостояния перед Тайной бытия. Непроизвольно показывают такие «учителя» свое хитроумие и зло, хотят скрыть и не могут.

В настоящем учителе обнаружение добра всегда идет этим же (непроизвольным) путем как истинный избыток любви к своему неотесанному свободолюбивому ученику, который он тщетно пытается скрыть за строгим, а порой и сердитым выражением лица. Но ученик знает — он любим, он исполнен милования от своего учителя, сердце которого всегда с терпением и досадой его ждет. Ученик ощущает одновременно и бесконечную близость со своим учителем, и бесконечную недостижимость и отдаленность его человеческого превосходства. Явно учит лишь тот, кто умеет учить тайно, тайно просвещать себя, тайно отражать свет своего сердца в мире своих учеников. По мере своего созревания в культуре видишь этот свет на скромных, на совестливых, на не знающих своей правды, но сияющих своей правдой людях. Онтология истинного учительства — всегда есть мученичество.

В: Что такое смерть? Смерть — это совсем не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть — это когда росток жизни человеческой пробивается на поверхность земли и становится под прямые лучи Божиего солнца. Умереть для своих эгоистических похотей и прорасти зерно жизни должно еще

здесь, на земле. Это так называемое рождение духом, второе рождение человека. Смерть физического тела есть оставление ростком почвы, выход ростка из земли.

Онтология и аксиология бытийственности такова, что всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную заковку, хотя бы самую незначительную «жемчужину культуры» «внутри себя», ожидает совсем не смерть, и далеко не смерть. Именно в этот момент Дух выходит на поверхность истинной и подлинной жизни. В онтологическом плане человек закрыт от иного мира тонкой скорлупой. Именно культура личности человека делает его живым, сформированным для иных онтологических условий бытия организмом. Несомненно, достойно плача состояние того, кто окажется бесформенной жидкостью и даже, возможно, отвратительной по своему нравственному запаху.

Земная жизнь человека не идеальное предельно радостное место жизни (что становится очевидным при малейшем углублении в нее), не непонятное место бессмысленных страданий, а «утроба» духа, как замечал М. К. Мамардашвили, состояние подготовки к своему настоящему рождению. Человек страшно за все ответственен. Действительно, как бережно «непроросшим» людям надо относиться друг к другу, как нужно оберегать друг в друге это личностное прорастание культуры, этот выход в подлинную онтологию бытия Человека.

Когда бессмертная человеческая личность (по определению) вдруг очутится лицом к лицу с реальностью не только более яркой, но и превосходящей все наши понятия о реальности; когда она увидит, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных духов, огненных, пламенных, горящих любовью ко всему творению, и, с другой стороны, Землю с ее сотнями миллионов полулюдей-полунасекомых, людей, пожирающих друг друга в своей ненависти, самолюбивых, сластолюбивых, корыстолюбивых, несговорчивых, лукавых, одержимых темными началами — акта выбора и ответственности уже не будет, «экзамен сдан», «путь пройден», «вступительное слово написано». Волнуясь злом, разнуждая низшие инстинкты, человечество себе готовит судьбу небытия, как и каждый человек, идущий вне поля максимума культуры.

Душа — младенец бессмертия, беззащитный и наивный в условиях окружающего прагматичного мира актеров, над которым все интенсивнее сгущается смог порока и все отчетливее проявляет себя онтологический надлом самостояния человека перед Абсолютом, перед бытием, перед самим собой. Человечеству нужна качественно иная метафизика культуры бытия общества, государства,

человека. В современности нужно немало сил, мужества, человеческого достоинства, чтобы не потерять свою душу, предназначенную для вечности! И только чуткая и живая совесть настроит зрение для осознания той чуждой пыли, которая лежит на ранах души человека, живущего в современном обществе, которое как никогда нуждается в философском осмыслении онтологии истинного учительства не только в привычной парадигме сциентистского мировосприятия, а в широкой метафизической перспективе.

Т. Г. Бурдина
г. Екатеринбург

МЕТАФИЗИКА ВЕЩЕСТВА

Химическая наука давно заняла определенный статус в современном научном познании (его историческом, актуальном и перспективном аспектах). Вещество — субстратная основа чувственного мира вещей, окружающих человека, творимых, изменяемым им, — изучается целым циклом естественных наук. Химическая наука (при всем многообразии ее современной дисциплинарной организации) призвана давать объективные знания о процессах качественного изменения вещества, обусловленных изменением его внутримолекулярных, надмолекулярных и фазовых структур.

Уместно ли, и если уместно, то в каком смысле возможно приложение к понятию «вещество» предиката «метафизика»? Мы полагаем, что метафизическая и научная картины реальности имеют общие культурологические основания, но если научная картина базируется на достоверных, практически проверяемых и воспроизводимых знаниях, то метафизическая картина реальности основывается на интуитивном постижении мира, приписывании объекту особых, чувственно непостижимых свойств, признаков, проявлений.

По нашему мнению, можно говорить о многомерности метафизического пространства бытия человека, включающей аспекты отношения человека через призму бытийствующей культуры к трансцендентной реальности, природе, социуму. Рассмотрение метафизики вещи — признанный феномен изучения культурного пространства. Вещество не есть вещь. Вещество по отношению к вещи выступает в качестве ее субстратной основы, материального носителя. Поэтому, на первый взгляд, анализ метафизики вещей как бы является нижним пределом метафизического дискурса, а обсуждение проблемы метафизики вещества некорректно по определению,